

РИТОРИЧЕСКАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ В КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОВСЕДНЕВНОГО ОБЩЕНИЯ «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ»

RHETORICAL ENANTIOSEMY IN THE SPEECH CORPUS OF THE RUSSIAN EVERYDAY COMMUNICATION “ONE SPEAKER’S DAY”

Маркасова Е.В. (markasovaelena@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе анализируется энантиосемия, опознаваемая лишь в устной речи. В отличие от ингерентной и адгерентной энантиосемии, выделяемый нами вид характеризуется не внутренней антонимией значений, а противопоставленностью коммуникативных установок (конструктивной и деструктивной).

Ключевые слова: *энантиосемия, спонтанная речь, речевая агрессия, интонация.*

Введение

Энантиосемия, совмещение в слове противоположных значений, «внутренняя антонимия», оценивается учеными по-разному: одни считают его непродуктивным явлением, «реликтом семантики древних корней» [Новиков 1973: 192], другие называют регулярным языковым явлением [Шмелев 2000, Ермакова 2002]. Исследователи современного русского языка разграничивают ингерентную энантиосемию, которая реализуется в совмещении значений в слове и находит отражение в словарях, и адгерентную энантиосемию, которая не отражается в словарях, демонстрирует изменение коннотации и, как правило, сопровождается иронией [Цоллер 1998]. Примеры ингерентной энантиосемии: *законник* - «вор в законе» и *законник* - «человек, не отступающий от буквы закона», *прослушать* - «внимательно выслушать» и *прослушать* - пропустить мимо ушей», наверное - «может быть» и наверное - «совершенно точно», *вывести* - «уничтожить» (вывести тараканов) и *вывести* - «создать» (вывести сорт). Описание полной и частичной энантиосемии (актантной, коннотативной, основанной на разнонаправленности прагматических компонентов) см. в: [Ермакова 2002].

В исследованиях энантиосемии ученые традиционно используют термины риторики *ирония* и *антифразис* [Балли 1955; Ключев 1999; Москвин 2007], представляющиеся удобными для комментирования тех случаев энантиосемии, при которых положительное коннотативное значение заменяется отрицательным:

(1) *Опять двойка? Ты супер! Какая радость!*

Использование бранной лексики с целью характеристики чего-либо исключительного, вызывающего восхищение, называется в риторике *астеизмом*. Это явление, противоположное *антифразису*, также распространено и в разговорной речи, и в художественных текстах. (Отметим, что не все исследователи считают подобные примеры энантиосемией. См. [Ермакова 2002]). Например:

(2) *И этот извращенец ходит в библиотеку к девяти утра и сутками пашет!*

Адгерентная энантиосемия всегда жестко связана с внутренней иерархией участников коммуникативного акта [Скляревская 1994; Цоллер 1998], причем как антифразис, так и астеизм предполагают, по меньшей мере, наличие долгого опыта общения адресата и адресанта, знание обоими ситуации и наличие общих этических ориентиров. Иными словами, если адресат примера (2) считает, что любой интеллектуальный труд - бессмысленная трата времени, то он поймет эту реплику как содержащую отрицательную оценку описываемого. Обратим внимание и на тот факт, что такой вид энантиосемии часто сопровождается выветриванием значения слова, оно становится чистым выразителем эмоциональной оценки, подобно междометию. Астеизм, как и антифразис, может служить формой проявления речевой агрессии [Ермакова 1997; Шаронов 2004].

Названные случаи энантиосемии описаны лингвистами. Однако рассмотрение этого явления на материале звукового корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» привело нас к мысли о том, что есть еще один тип энантиосемии, часто используемый в разговорной речи, но не получивший освещения в научной литературе. Отличительные особенности этого типа характеризуются в нашей работе.

Материал

В корпусе «Один речевой день», созданном и пополняемом группой исследователей в Санкт-Петербургском государственном университете, при расшифровке и описании материалов, поступивших в ноябре 2007 г., были выделены записи для прослушивания.

Совершенно очевидно (об этом свидетельствуют и наблюдения над лексикой данных фрагментов), что И19 (женщина 30-35 лет, в общей системе обозначения информантов в базе «Один речевой день» именуемая И19) не говорит ничего обидного, желает собеседнику удачи, даже хвалит (*молодец, замечательно, хорошо, отлично*). Однако при этом имя ребенка и другие маркеры доверительности (типа *солнышко, зайка, котик, умница, дорогой, милый, миленький и пр.*) произносятся без характерных для разговора с детьми и свойственных доброжелательному адресанту особенностей: нет ни продления долготы звука сверх обычного для ударных, ни варьирования частоты основного тона, ни повышения регистра, ни гиперлабиализованности [Гаврилова 2001; Кодзасов, Кривнова 1977], ощущается отсутствие эмоциональной составляющей.

В следующих далее фрагментах текста адресант (использует обращения, традиционные для разговоров с близкими людьми (*солнышко, (мое) солнце, (моя) радость*), а также само имя ребенка с уменьшительно-ласкательными суффиксами *оньк, очк*):

(3) *Але-о!// Привет / что все?/ закончилось / у вас закончилось / что случилось? / почему? / ты где? то есть она сейчас уже ушла? а спроси у Иры /да-а/ я же тебе сказала /подойти к Ирине и спросить/ попросить помощи / Да / дойди / дойди солнышко/ давай/ удачи/ ну тебе/ у тебя все хорошо/ ну замечательно/ ну /угу /хорошо /солнышко / давай /не теряй времени /подойти к Ирине /попроси помощи найти Нину Филипповну/и отзвонись мне/ пока //*

(4) *Але /да солнышко /ну так /ну замечательно/ отлично /поздравляю тебя / молодец /все не так страшно /готовься /что делать/ Держись /держись мое солнце /ну давай / держись / пока //*

(5) *Ты выпила водичку? Отлично! <...> Что случилось? Что именно ты забыла, моя радость? Можно поподробнее? Что ты забыла? Что сегодня у вас был английский/ ты забыла. <...>Я не поняла, что да? Зачет?<...> проверка по словам<...> Какие слова? Что/ и сейчас забыла? И сейчас забыла / какие слова? <...> Из какой лексики/ Лизонька?*

(6) *Лизонька / это Марина Викторовна ваша / такое дурацкое слово употребляет «лексика» /оно дурацкое / Лизочка / Лексика это всего-навсего слова <...>Лексику вы учите / бред какой /*

(7) *Моя девочка/ <...>ну что делать-то с этой двойкой /моя хорошая*

Мы предположили, что особенности интонирования маркеров доверительности создают конфликт горизонта ожиданий слушающего и интенций говорящего, а диссонанс между семантикой слова и нейтральной интонацией (при ожидаемой экспрессивной) становится основой для аномального эмоционального фона при общении. Для того чтобы проверить эту гипотезу, был проведен эксперимент.

Эксперимент

Участникам эксперимента (группа из 30 студентов и школьников) было предложено прочитать расшифровку и ответить на такие вопросы: «Часто ли родители так разговаривают с детьми? Типично ли содержание разговора? Что можно сказать об этой женщине?» Информанты восприняли текст как банальный, многие предположили, что ребенок должен сдавать какой-то экзамен или зачет, которого боится, что в связи с этим мама очень переживает, волнуется, старается поддержать дочку.

После прослушивания записи предлагалось ответить на вопрос: «Что нового вы узнали о Лизе?» Информанты реагировали крайне эмоционально, причем не отвечали на поставленный вопрос, а выражали мнение по поводу высказываний И19: «Почему она таким прокурорским тоном разговаривает?» «А Вы можете на нее повлиять, чтобы она так больше не говорила?» «Вот пойдет в школу у Вас сын, Вы, может, тоже еще так заговорите!» «Эта женщина, наверное, просто устала, а дочка у нее еще неизвестно что такое.» Реплики, при всем разнообразии оценок поведения Лизы и ее матери, отражают одно: в прослушанных фрагментах участники эксперимента ощутили нечто неприятное, раздражающее, чего невозможно уловить при письменной передаче текстов.

Это явление может быть описано как разновидность внутрисловной антонимии, риторическая энантиосемия.

Риторическая энантиосемия

Термином «риторическая энантиосемия» мы предлагаем обозначать случаи конфликтного совмещения в слове (словосочетании, предложении) разнонаправленных коммуникативных установок (контактоустанавливаю-

щей и деструктивно-агрессивной), при котором семантика рассматриваемой единицы (включая оценочную составляющую) не претерпевает никаких изменений: *Лизонька* остается *Лизонькой*. Значения слов с риторической энантиосемией, участвующих в коммуникативных актах, не претерпевают никаких трансформаций: не происходит ни мелиорации, ни пейоративизации значений, не актуализируются непрямые значения. Вместе с тем, здесь нет и интонационного отрицания называемых признаков или фактов.

Даже лишенная интонации угрозы или иронии, фраза, включающая риторическую энантиосемию, создает напряженный эмоциональный фон. Не случайно при прослушивании звукового файла продолжительностью 22 минуты 36 секунд (продолжительность разговора с матерью) девочка пытается заплакать семь раз. Многочисленные повторы ласковых слов (примеры 5, 6, 7), произносимых нейтральным тоном, способствуют нарастанию напряжения, а затем разрешаются каскадом вопросов или жалобами.

Примеры (3) и (4), фрагменты разговора по телефону, не дают возможности проследить за реакцией адресата, однако в них отсутствие эмоциональной окрашенности также очевидно.

Аналогичные случаи интонационного оформления обращений, воспринимаемых как агрессивные, мы записали в школе и детском саду:

(8) *Наша деточка начнет учиться / и причесываться / правда ?*

(9) *Все / дорогие мои / быстро одеваться и строиться!*

Мы считаем, что именно «нейтральность» интонирования анализируемых лексем в записях И19 делает их способом проявления речевой (вербальной, коммуникативной) агрессии, такого типа конфликтного речевого поведения, при котором целью агрессора является подавление собеседника через снижение его самооценки.

Одним из способов выражения речевой агрессии является использование маркеров чуждости, к которым относятся, например, характеристики *всякий, разный, какой-то, кто-то, не пойми какой, бог знает какой и др.*, содержащие оценку «несущественный, не заслуживающий внимания». Особую группу маркеров чуждости составляют слова и выражения, показывающие недоверие к адресату: *якобы, будто бы, как бы, так называемые, с позволения сказать, как Вы выразились*. [Шейгал 2004; Пеньковский 1989]

Именно к маркерам чуждости и следует отнести ту особую интонацию отстраненности, отчужденности, которая характеризует примеры с (3) по (7). Отметим, что в записях не наблюдается таких проявлений агрессивности речевого поведения, как сверхполный тип произношения, понижение тона, повышение голоса с целью оказать давление на собеседника [Крейдлин 2000: 483], эксплуатация ИК-7 с целью передать отрицание [Брызгунова 1980: 118-120; Светозарова 1982], а также конструкций, напоминающих угрозы (термин А.Летучего) [Летучий 2007].

В отличие от нормального (не агрессивного) речевого поведения, при котором собеседники чувствуют себя равноправными, в условиях речевой агрессии исключается равноправие участников диалога, один из них становится агрессором, другой – жертвой. Видимо, в репликах И19 и проявляется агрессия ради агрессии, с помощью которой за счет близких людей снижается эмоциональное напряжение говорящего.

В основном мы говорили о случаях, когда слова с положительной коннотацией, требующие эмоционально окрашенной интонации, произносятся нейтральным тоном.

Вполне резонно предположить, что есть и противоположный вариант: слова с отрицательной коннотацией, произносимые с особой «положительно окрашенной» интонацией, теряют свое пейоративное значение. Вот, например, обращение хозяйки к кошке с котятами:

(10) *Ах ты краса-авица / сво-олочь ты / со сволочень-атами //*

Этот пример можно, используя термины риторики, назвать интонационным астеизмом, причем, в отличие от традиционного астеизма, который уничтожает лексическую составляющую и возникает лишь на основе семы интенсивности, в примере (10) сохраняется лексическое значение: кошка родила котят, когда хозяйка должна была уезжать в отпуск (поэтому и «сволочь», разрушившая все планы).

В свою очередь, отсутствие нейтрального (в норме) тона, замена его доверительно-дружеским, в определенных ситуациях воспринимаются как угроза. Например:

(11) *А он (начальник - Е.М) мне говорит / такой / улыбается / Наташенька / давайте-ка/ кофейку / я думаю / чо же это он такой ласковый / ага / добрый // надо выйти в субботу//*

Рассмотренные примеры не могут быть названы ни антифразисом (вследствие отсутствия иронии), ни астеизмом (из-за отсутствия в наших примерах в качестве доминирующих не только состояний восхищения или восторга говорящего, но и фоновых положительных эмоций).

Перспективы

Итак, мы предлагаем называть риторической энантиосемией случаи совмещения в слове (словосочетании, предложении) контактоустанавливающей и деструктивно-агрессивной коммуникативных установок, при кото-

ром семантика рассматриваемой единицы (включая оценочную составляющую) не меняется.

Риторическую энантиосемию необходимо рассматривать отдельно от тех примеров, которые демонстрируют различные возможности совмещения или трансформации значений (мелиорации, пейоративизации, актуализации непрямых значений и др.).

Продолжение работы с материалом звукового корпуса «Один речевой день» даст возможность прояснить следующие вопросы:

- существует ли возможность создать формальное описание риторической энантиосемии;
- какие части речи и члены предложения наиболее склонны к проявлению риторической энантиосемии;
- действует ли применительно к этому типу энантиосемии установленная В.Н. Цоллером закономерность («в русском языке более частотна пейоративация (смена знака оценки от «+» к «-»), тогда как «случаи реверсии аксиологического знака от минуса к плюсу менее распространены»);
- чем отличается нейтральность интонации воспитанного человека от агрессивной нейтральности интонации;
- как связана способность к «исполнению» высказываний, содержащих примеры риторической энантиосемии, с психологическими особенностями и социальным статусом адресата и адресанта.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
2. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1980.
3. Гаврилова Т.О. Регистр общения с детьми (baby-talk): некоторые особенности интонации // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. СПб., Изд-во ЕУ в СПб. 2001. С. 227-238.
4. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова: Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М.: АО «Астра семь», 1997. С. 48-58.
5. Ермакова О.П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца // Логический анализ языка. М.: «Индрик», 2002. С. 61-68.
6. Ключев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: ПРИОР, 1999.
7. Кодзасов С.В. Фонетика Интенсификации 2001 // <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/kodzsov/intens.rtf>.
8. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи / Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ. 1977.
9. Летучий А.Б. Русский «угрозатив» и его родственники // <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/57.htm>
10. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С.128-129.
11. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Высшая школа, 1973.
12. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Структурная лингвистика. 1985-1987. М.: Наука, 1989. С. 54-82.
13. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
14. Складаревская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 51 – 52.
15. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. М., 1998. № 4. С. 79-80.
16. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи: Сб. статей под ред. И.А.Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С.38-52.
17. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДК «Гнозис», 2004.